

УДК 811.161.1; 81.366.54; 81.367.4
DOI: 10.17223/19986645/51/2

И.Е. Ким

**ТЕНДЕНЦИЯ К РАЗРУШЕНИЮ РУССКОЙ
ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ В ТЕОРИИ СИНТАКСИСА
В.А. БЕЛОШАПКОВОЙ**

Рассматриваются современные процессы в грамматике русского падежа в отношении к некоторым аспектам теории синтаксической связи В.А. Белошапковой, прежде всего к введённому ею понятию предсказуемости. Современный падеж существительного находится на этапе видимых проявлений тенденции к разрушению. Это связано с ослаблением синтаксического механизма управления. Ослабление связи управления приводит к действию линейного принципа согласования, при котором зависимым является слово, линейно расположенное правее. Поэтому чаще всего согласуемым словом в сочетании с прилагательным или числительным оказывается существительное.

Ключевые слова: синтаксическая связь, управление, линейный принцип согласования, грамматическая омонимия, ошибки в употреблении падежа, разрушение русской падежной системы.

В.А. Белошапкова известна прежде всего работами по теории сложного предложения в русском языке (см., например, [1]). Однако в процессе создания учебного пособия по синтаксису [2], а затем и раздела в учебнике для университетов [3] она переосмыслила всю синтаксическую систему русского языка, включая синтаксическую семантику и теорию простого предложения. По-новому был ею осмыслен и важный для синтаксической теории раздел о синтаксической связи. Коротко остановимся на идеях, связанных с подчинительной связью на уровне слова и формы слова, потому что именно здесь видны следы происходящих на наших глазах процессов, свидетельствующих о явной тенденции к разрушению русской падежной системы.

Традиционно выделяемые виды связи: управление, согласование и примыкание – дополняются в теории В.А. Белошапковой тремя параметрами, один из которых тоже традиционен: обязательность (противопоставленная необязательности – факультативности), предсказуемость и природа синтаксического отношения.

Обязательность [3. С. 551–552] предполагает для говорящего необходимость заполнения синтаксической валентности доминирующего компонента связи, а необязательность, факультативность позволяет позиции зависимого компонента замещаться только при необходимости. Отсутствие заполнения обязательной валентности имеет семантическую интерпретацию. Так, например, незаполнение обязательной субъектной валентности

глагола может интерпретироваться как анафорический или референциальный синтаксический ноль ([4. С. 172–180; 5] и др.). Незаполнение обязательной объектной валентности глагола довольно часто представляет одну из диатез – объектный имперсонал [6. С. 281, 285], который акцентирует внимание слушающего на субъекте и в сочетании с несовершенным видом в значении нелокализованного действия позволяет интерпретировать глагол как глагол поведения, например: *Он ворует*.

Предсказуемость [3. С. 549–551] (связь называется предсказующей, но в производном термине невозможно сохранение суффикса действительного причастия) отражает требование, которое предъявляет доминирующий компонент к грамматическому оформлению зависимого компонента. Разделение предсказуемости и обязательности связано с тем, что возможна обязательная связь с разнообразием грамматического оформления зависимого компонента, и наоборот, возможно строгое требование единообразного грамматического оформления без требования обязательности заполнения синтаксической позиции.

Природа синтаксического отношения [3. С. 552–554] представляет собой то, насколько выражаемое связью синтаксическое отношение может определяться семантикой зависимого компонента. В этом аспекте связь может быть собственно-синтаксической, никак не обусловленной семантикой зависимого компонента, а может быть лексико-синтаксической, при которой лексическое наполнение, индивидуальная семантика зависимого компонента определяют суть отношения. Этот параметр является переосмыслением идеи Е. Куриловича о синтаксических и наречных падежах [7].

Управление и согласование в этой теории в своем основном виде представляют собой связь главного слова и зависимой формы слова.

Управление тесно связано с падежом существительного, и суть его заключается в том, что существительное в качестве зависимого компонента синтаксической связи принимает одну из падежных форм по требованию управляющего слова. Управление в разных случаях обладает разной предсказующей силой, но беспредложное управление обычно не допускает вариатности, а если и допускает ее, то в узких пределах, например при количественных модификациях синтаксической структуры: *купил сахар / купил сахару*. Кроме того, уже реализованное употребление предлога накладывает жесткие ограничения на падеж существительного.

При согласовании главным компонентом выступает существительное или сводимое к нему по семантике и/или морфолого-синтаксическому поведению слово. Согласование для лингвистов, в том числе синтаксистов, выглядит довольно очевидной связью с понятным механизмом.

Однако в этой связи обнаруживается важный момент, который кажется на первый взгляд очевидным, но по сути таковым не является и требует специального обсуждения: какое слово считать зависимым в паре слов, связанных синтаксической связью и имеющих одинаковые формы падежа и/или числа и/или рода?

Согласование представляет собой уподобление зависимого слова главному [3. С. 555]. Зависимым компонентом связи должна выступать форма слова, которое обладает словоизменением по согласовательным категориям или «имеет формы с синтаксическим значением» [там же]. Поэтому при согласовании с существительным однозначно зависимыми в сочетании являются прилагательное и родовые формы глагола, у которых есть словоизменительный род, являющийся у существительного классификационной категорией. Полные прилагательные и причастия в общем случае согласуются с существительным в числе и падеже, а в единственном числе еще и в роде, например: *большая* (именительный падеж – единственное число – словоизменительный женский род) *тоска* (именительный падеж – единственное число – фиксированный женский род). Краткие прилагательные и причастия, а также родовые формы глагола согласуются с существительным в числе, а в единственном числе – еще и в роде, например: *дом* (именительный падеж – единственное число – мужской род) *стоял* (единственное число – мужской род).

Е.С. Скобликовой был произведен анализ взаимодействия существительных с одинаковой морфологической формой в составе аппозитивного сочетания. Он показал, что сочетание двух существительных, одно из которых мы определяем как приложение, это, скорее, соположение двух управляемых существительных – «падежный параллелизм» [8. С. 216–225]. Форма существительного потенциально может участвовать в согласовании с существительным, но, поскольку набор словоизменительных категорий у обоих существительных, вступивших в связь согласования, одинаков, то непонятно, какое из них доминирующее, а какое зависимое.

Интересна ситуация с сочетанием существительного с числительным – нумеративного сочетания. Большая часть из эталонных числительных (количественных, не составных, обладающих своеобразием в грамматике и синтагматике) относится к третьему субстантивному типу склонения, а небольшое количество (*сто, девяносто, сорок, полтора*), только две падежные формы – именительного-винительного падежа (ИВ)¹ и родительного-дательного-творительного-предложного падежа (РДТП), к такому типу склонения, который назовем нумеративным. У таких числительных вообще отсутствует категория рода. Исключение в этом ряду составляет

¹ Далее для удобства будем записывать форму падежа начальной буквой его названия в виде прописной, если же одна флексия может обозначать более одного падежа (потенциальный падеж), то будем обозначать такую форму рядом начальных букв в традиционном порядке следования падежей: ИРДВПТ. Таким образом, обозначение потенциального падежа будет иметь вид аббревиатуры, состоящей из инициалей всех падежных форм, маркируемых данной флексией. Например, РДП для флексии *-и* в третьем типе субстантивного склонения: *нет печи, подойти к печи, думать о печи*. В некоторых важных для изложения случаях будем записывать в виде нижнего индекса форму числа (_{Sing/Pl}). Знак +, употребленный слева от символа падежа, будет обозначать, что слово управляет падежной формой, обозначенной символом. Например, *ударил* (+ В) значит, что форма глагола *ударил* управляет винительным падежом.

числительное *полтора*, у которого род проявляется только в именительном-винительном падеже, вступающем с существительным в связь управления (эта падежная форма управляет родительным падежом единственного числа (P_{Sing}) существительного (*полтора килограмма, полторы тонны*), а в косвенных падежах, где между числительным и существительным устанавливается связь согласования, род не проявляется (*полтора килограммов / тонн; полтора килограммам / тоннам* и т.п.).

Отсутствие рода у числительного, однако, не мешает установить, слово какой части речи доминирует в паре «числительное – существительное».

Для определения того, какая часть речи доминирует в нумеративном сочетании, воспользуемся важной особенностью склонения всех имен. У каждого из типов именного склонения, субстантивного, адъективного и нумеративного, имеются разные падежные формы с одинаковой флексией, т.е. во всех типах склонения встречаются омонимичные падежные флексии. Более того, если мы разделим парадигмы граммем единственного и множественного числа, а в адъективном типе рассмотрим отдельно и граммемы рода, то и в таких «кусочках» парадигм тоже окажутся омонимичные формы. Состав их в разных «кусочках» склонения разный (табл. 1).

Наиболее регулярные совпадения связаны с категорией одушевленности (у неодушевленных имен действует омонимия ИВ, а у одушевленных – РВ) и распространяются на склонение во всех граммах, кроме граммем единственного числа первого и третьего субстантивного склонения, женского рода единственного числа адъективного склонения, а также нумеративного типа склонения. При этом одушевленность точно дифференцирует согласование: зависимые слова приобретают флексию родительного или именительного падежа в зависимости от одушевленности / неодушевленности главного слова. У двух парадигм (*мать / пять* и *сто*) устойчиво омонимичны формы ИВ, а у парадигм *жена* и *умная* одушевленность не проявляется, т.е. форма винительного падежа имеет собственную флексию.

Однако в нескольких разновидностях склонения есть и другие омонимичные падежные формы: РП у адъективного склонения множественного числа, а также у числительных *два, три, четыре*; ДП у первого субстантивного склонения; РДП у третьего субстантивного склонения; РДТП у адъективного склонения женского рода, а также у нумеративного типа. Будем называть такие падежи, которые образуются набором омонимичных форм, потенциальными, потому что они могут быть актуализированы в высказывании. Актуализированный в высказывании падеж будем называть актуальным. В случае омонимии падежей в составе высказывания актуальный падеж определяется, как правило, синтагматически и комплексно, через взаимодействие с управляющими словами, с предлогами и/или с согласуемыми словами, например: *Трудно сладить со взрослой дочерью: взрослой* (РДТП); *дочерью* (Т); *с (со)* управляет РВТ (*сдуло с дома, размером с дом, рядом с домом; сладить* управляет *с + Т*). Актуальный падеж словоформы *взрослой* в приведенном высказывании, таким образом, творительный.

Таблица 1

Падежные парадигмы имен и омонимичные формы в составе парадигм

Граммема	Образец	Им.	Род.	Дат.	Вин.	Тв.	Пр.	Одущевленность / неодущевленность	Другие омонимичные формы
Единственное число второго субстантивного типа	сын, село	Ø / -о (-е)	-а	-у	-а // Ø / -о (-е)	-ом / -ем	-е		
Множественное число субстантивного типа	жёны, отцы, сёла, матери	-ы (и) / -ы (и) / -а / и	Ø / -ов / Ø / -ей	-ам	ей // -ы (-и) / -ы (-и) / -а / -и	-ами (-ьми)	-ах		
Мужской – средний род единственного числа адъективного типа	умный, умное	-ый (-ий, -ой) / -ое (-ее)	-ого (-его)	-ому (-ему)	-ого // -ый / -ое	-ым	-ом (-ем)	РВ / ИВ	Отсутствуют
Множественное число адъективного типа	умные, оба	-ые (-ие) / -а	-ых (-их)	-ым (-им)	-ые (-ые) // -ых (-их)	-ыми (-ими)	-ых (-их)		РП
Числительные два, три, четыре	два	-а (-и, -е)	-ух (-'ох)	-ум (-'ом)	-а (-и, -е) // ух (-'ох)	-умя (-емя, -'мя)	-ух (-'ох)		
Единственное число первого субстантивного типа	жена	-а	-ы (-и)	-е	-у	-ой (-ей) (-ою (-ею))	-е	Не проявляется	ДП
Единственное число третьего субстантивного типа	мать, пять	Ø	-и	-и	Ø	-ью	-и	ИВ	РДП
Нумеративный тип	сто, сорок	-о (Ø)	-а	-а	-о (Ø)	-а	-а		
Женский род единственного числа адъективного типа	умная	-ая	-ой (-ей)	-ой (-ей)	-ую	-ой (-ей), -ою (-ею)	-ой (-ей)	Не проявляется	РДП

Возвращаясь к проблеме определения главного и зависимого слова в составе нумеративно-субстантивного сочетания, воспользуемся различием потенциальных падежных форм у числительного и существительного.

У числительного есть набор омонимичных форм: формы родительного, дательного и предложного падежей. У существительного во множественном числе омонимичны только формы ВИ (*домá*) и / или ВР (*коней*) падежей, в зависимости от одушевленности. С учетом отсутствия согласования числительного и существительного в именительном-винительном падеже актуальна только омонимия форм числительного. При омонимичных формах числительного стоят разные формы существительного. При этом потенциальная падежная форма числительного может быть отнесена к тому падежу, которым оформляется существительное, т.е. существительное выступает маркером актуальной падежной формы числительного. Это значит, что зависимым является числительное, форма которого выбирается с учетом формы существительного. Обратное, а именно случайный выбор одной из трех форм существительного, соответствующей одной из потенциальных форм числительного, значило бы направление зависимости от числительного к существительному.

Ср. падежную парадигму сочетания в табл. 2.

Таблица 2

**Виды синтаксической связи и соотношение потенциальных падежей
в нумеративно-субстантивном сочетании *пять коней***

Словосочетание	Соотношение флексий	Соотношение потенциальных падежей	Тип связи
Пять лошадей	-Ø/-ей	ИВ – Р _{pl}	Управление
Пяти лошадей	-и/-ей	РДП – Р _{pl}	Согласование
Пяти лошадям	-и/-ям	РДП – Д _{pl}	Согласование
Пять лошадей	-Ø/-ей	ИВ – Р _{pl}	Управление
Пятью лошадьми (лошадьми)	- jy/-ми(-ами)	Т – Т _{pl}	Согласование
О пяти лошадях	-и/-ах	РДП – П _{pl}	Согласование

Как видим, одна и та же потенциальная форма РДП числительного сочетается с разными формами существительного, которые, в свою очередь, задаются валентностью управляющего слова, например: *В конце мая Лобсын приехал на пяти_{РДП} лошадях_П с своим сыном, собакой и заготовленной провизией* (В.А. Обручев. В дебрях Центральной Азии (1951) – Национальный корпус русского языка – ruscorpora.ru²); *Весело и мерно хрустело в сумраке от дружного жевания пяти_{РДП} лошадей_Р* (В.В. Вересаев. К жизни (1908)*).

Таким образом, числительное согласуется с существительным, потому что его форма, пусть и потенциальная, имеет область пересечения с омонимичной падежной формой существительного.

² Далее примеры из Национального корпуса русского языка будут отмечаться астериском (*).

Как видим, порядок слов никак не влияет на направление зависимости: в нумеративных сочетаниях числительное чаще всего находится перед существительным, в адъективных сочетаниях прилагательное также регулярно находится в препозиции, а в предикативных сочетаниях предикат (прилагательное или родовая форма глагола) стоит после подлежащего-существительного. Определим такой принцип зависимости как структурный, ср. [9].

В настоящее время структурный принцип согласования начинает уступать место другому принципу, при котором направление зависимости определяется линейным порядком компонентов связи, как это происходит при анафорической зависимости: зависимым оказывается не обязательно подчиняемое, т.е. менее значимое слово, а слово, располагающееся правее, т.е. в речевой цепи появляющееся позже, см., например: *Что в том плохо, что стремится человек быть полезным. Натура у него общественная. Было бы больше предложений, вариантов для выбора было бы больше* (коллективный). Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)*). Такая логика зависимости при анафоре вполне объяснима: логично, что сначала мы обнаруживаем в тексте самостоятельное, полнозначное обозначение реалии, а затем его неполнофункциональный аналог, например анафорическое местоимение. Однако в пределах предикативной единицы линейный принцип заменяется структурным, а согласуемые анафорические местоимения заменяются несогласуемыми возвратными [10. С. 247]. Таким образом, на минимальном по синтаксическим меркам расстоянии, в пределах предикативной единицы, синтаксический, грамматический характер зависимости играет большую роль, чем порядок расположения компонентов, актуальный для текстовых и в меньшей мере полипредикативных структур.

Факты, отражающие смену принципа согласования в адъективном сочетании, можно увидеть благодаря серии примеров, которую продемонстрировала М.Я. Гловинская в большой коллективной монографии о новых явлениях в русском языке конца XX столетия [11]. М.Я. Гловинская на наглядных примерах показала, что в речи и даже на письме происходит регулярное смешение P_{PI} и PI_{PI} с безударными флексиями, например: $PI_{PI} \rightarrow P_{PI}$: *Я прощаюсь с вами и передаю слово о спортивных событий* \emptyset *комментатору*; *Закон о выборе отодвигается на задний план*; $P_{PI} \rightarrow PI_{PI}$ *Военное руководство Соединенных Штатах объявило...*; *Такие варианты встречались в речи мхатовцах*. М.Я. Гловинская отмечает, что чаще всего такое смешение происходит в адъективных сочетаниях [там же. С. 268, 270], при этом замена $PI_{PI} \rightarrow P_{PI}$ чаще происходит при фонетической близости безударных флексий *-ax* [ъх] и *-ов* [ъф].

Совокупность описанного явления и других активных процессов конца XX в. в грамматике падежа М.Я. Гловинская определила как тенденцию к ослаблению падежных функций. Отмечу, что масштаб и скорость, с которой отмеченные процессы охватывают русскоязычную речевую практику, позволяют предположить, что русская падежная система находится в стадии начала разрушения.

Начало разрушения языковой системы или ее подсистемы незаметно, потому что в прежней системе уже содержатся ростки нового как тенденция, которая еще не проявилась. Язык как динамическая система – набор возможностей, многовекторная структура, содержащая в себе разнонаправленные тенденции, каждая из которых при определенных условиях способна задать основное направление развития. В синхронии это выглядит как наличие набора вариантов. С учетом того, что в каждый период существования языка доминирует какая-то из тенденций, а другие проявляются слабо, совокупность доминирующих тенденций и формирует у носителей языка ощущение языка как целостности, подчиненной определенным закономерностям.

Смена доминирующей тенденции начинается незаметно и может так же незаметно затухнуть. Но смена тенденций может также идти постепенно, пока не достигнет интенсивной фазы.

В таком динамическом представлении о системе языка большую роль играет понятие ошибки.

Языковая ошибка существует только в норме. По отношению к языковой системе это неоднозначное явление, которое связано с разными аспектами языка.

Первый аспект определяется **языковой интуицией** носителей, приобретенным чувством языка, природа которого неясна и возводится генеративной лингвистикой к врожденной способности, но вполне может быть и качеством, приобретенным на основе колоссального речевого опыта и его интуитивной систематизации в период нерелективного освоения языка в раннем детском возрасте. В генеративной лингвистике языковая интуиция определяется как компетенция. В этом аспекте ошибка существует как языковое выражение, отторгаемое языковой интуицией, лежащее за пределами языковой компетенции носителей.

Во втором аспекте, связанном с **лингвистикой как наукой**, применительно к описанию языка ошибка является источником «отрицательного материала», показывающего пределы варьирования, границу языковой системы [12]. Вот что об этом пишет Л.В. Щерба: «... весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой “так не говорят”, которые я буду называть “отрицательным языковым материалом”. Роль этого отрицательного материала громадна» [там же. С. 32–33].

В третьем аспекте, связанном с **воспроизводимостью языковых единиц** и структур, такое употребление может считаться единичным или малочастотным.

В каком-то смысле эти три аспекта, противопоставленные нормативному, можно назвать в порядке упоминания психолингвистическим, языковым и речевым.

Все три аспекта несводимы друг к другу. Поэтому может существовать нечастотное, но интуитивно приемлемое употребление. Такие употребления проверяются на языковом чутье носителей. Гораздо интереснее регу-

лярно повторяющаяся ошибка, которая представляет собой уже не случайность, а интуитивно и нормативно неприемлемую закономерность, как правило, свидетельство усиливающейся тенденции. Появление регулярных ошибок – это и есть яркая фаза языкового процесса.

На пике яркой фазы изменение, которое видимо уже невооруженным глазом, воспринимается, даже некоторыми лингвистами, как катастрофа, как потрясение, потому что ошибочное употребление начинает доминировать над правильным.

При такого рода потрясениях актуализируется норма, потому что она стремится удержать в узких пределах весь потенциал изменений, заложенных в языковой системе. Норма стабилизирует языковую систему, делает языковые изменения плавными, при большой жесткости (императивная, прескриптивная, консервативная норма) может в течение длительного периода задерживать развитие некоторых форм существования языка.

В древности лингвисты уже наблюдали языковое потрясение, свидетельствами и участниками которого были они сами. Примером такого потрясения является переход от классической к вульгарной латыни.

На фазу, близкую к разрушению системы классической латыни, среагировала норма. Масштаб видимых отклонений узуса от норм классической латыни отражен в анонимном приложении к грамматике латинского языка, ранее приписывавшейся Валерию Пробу, которое датируется третьим – началом четвертого века нашей эры и носит название *Appendix Probi* (полный разбор текста см. в [13]).

Каждая из 227 рекомендаций построена по следующей формуле: «Правильная фонетическая, графическая и/или грамматическая форма» + *non* (лат. *ne*) + «неправильная фонетическая, графическая и/или грамматическая форма», например: *Porphireticum marmor* ‘пурпурный мрамор’ *non purpureticum marmur*. Автор в лапидарной форме отмечает неправильность произношения и написания *u* на месте *o* и *p* на месте *[f]* (*ph*) в конкретных словах.

227 довольно разнородных фактов, отраженных в *Appendix Probi*, говорят о масштабных изменениях в фонетической и морфологической системах латинского языка в первые века нашей эры.

Попытка лингвистов остановить масштабные изменения в фонетике, лексике и грамматике латыни путем воздействия на узус пропагандой норм классической латыни не увенчалась успехом. Классическая латынь исчезла как полнофункциональный живой язык и, преобразовавшись в «средневековую латынь», стала языком науки, права, религии и культуры. Но при этом она дала начало нескольким романским языкам, впитавшим в себя результаты изменений, с которыми боролся автор «Приложения к Пробу» [14].

В отличие от латыни периода распада империи система современного русского языка начала 2000-х гг. в целом не находится в ситуации разрушения, несмотря на то, что в 90-е гг. XX в. многие лингвисты оценивали состояние русского языка как катастрофическое.

Тем не менее одна из подсистем русской морфологической системы – русский падеж – пребывает в состоянии, в котором то, что грамматическая

норма называет ошибками, приобретает регулярный характер. И, как кажется, изменения, происходящие с русским падежом, демонстрируют некоторые общие тенденции, свойственные разрушению частных языковых систем.

Так, на примере русского падежа видно, что начальный этап разрушения системы связан не столько с утратой элементов, сколько с их смешением. И здесь факты, которые привела М.Я. Гловинская, дополняются новыми примерами и новыми падежными формами, реализуемыми как в печати, так и в устной речи, и в интернет-текстах, и в электронных СМИ.

Параллельным смешению падежей процессом является утрата соответствующей части языковой компетенции общей массой носителей языка. По отношению к числительным это уже свершившийся факт, давнее явление. Можно сравнить утраченную большинством носителей русского языка способность к употреблению падежа числительных с языковой интуицией по отношению к виду, с которой у врожденных русофонов нет проблем, хотя вид не менее сложный в аспекте употребления категория, чем падеж.

Размывание падежной системы, таким образом, связано с внешней, наблюдаемой стороны со статистикой «неправильных» употреблений, а с позиций языковой компетенции носителей языка – с расшатыванием грамматического механизма управления с высокой предсказуемостью связи, при котором главный компонент связи строго определяет падежную форму зависимого существительного. Связь управления теряет свою предсказуемость, становится вероятностной, неоднозначной, предполагает в какой-то мере произвольный выбор неударной падежной флексии.

Наиболее очевидно это проявляется в безударных флексиях, которые различаются орфографически, через соответствие флексии в ударной позиции, например: *иде́е* [ь] – *зме́е* [э] / *иде́и* [ь] – *змеи́* [и]. «Ослабление падежной функции» приводит к неразличению падежа, например: *Успех это <го?> фильма не в оригинальной иде́е* (Р←П) (*а она еще как оригинальна*), *не в хорошей актерской игре (особенно Высоцкого и Ефремова)* и *даже не в музыке (очень подходящей фильму), а в душе* (<http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/208105/> (дата обращения: 20.09.2017); здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены). Опишем это явление также на примере существительных с основой на твердый шипящий согласный или [ц]. У такой субстантивной флексии *-и(ы)* и *-е* в безударной позиции реализуются в [ь]. С позиций фонетики это нейтрализация, с позиций морфемики – разновидность омонимии – омофония. Как и в предыдущем случае, распадение падежной системы приводит к тому, что безударная флексия оказывается просто маркером словоформы, в результате чего происходит смешение *-и* и *-е* в безударном положении, например: *Но при этом никто и не догадывался, что каждый концерт даётся певи́цы* (Р←Д) *с нечеловеческими усилиями, а за кулисами она буквально падает в обморок* (<http://www.kulturologia.ru/blogs/140316/28804/> (дата обращения: 15.04.2017)). Такая омофония может быть и у флексий *-я* и *-е*, например: *Работа Д.С. Федоровой представляет собой важное и интересное соединение ти-*

лично для современной русистики исследование (ИВ←Р) морфологообразовательного типа слов (Черновик рецензии. 02.06.2107). Конечно, специалист по орфографии и учитель русского языка увидят здесь орфографическую ошибку и будут правы. Однако примеры орфографической ошибки, приводящей к написанию флексии, прописанной в парадигме слова, подтверждают общую тенденцию к смещению падежей.

Существуют также примеры абсолютно немотивированного выбора падежа: *Спасибо* (+ Д) *Анжелы Николаевны* (Р; Устная речь. Студентка-филолог. 24.10.2010); *Стильная и захватывающая шведская лента, которая рассказывает о группе профессиональных грабителей банков, которые терроризируют бизнес-центр Стокгольма и женщины-детектива* (Р) *Клару* (В), которая вместе со своим начальником, офицером Кроной, вступает в настоящую войну с опытными и жестокими профессионалами... (<http://kinobanda.net/film/10919/> (дата обращения: 20.09.2017)); *Во втором случае такое соотношение может идти по аналогии с соотношением экзотических языков с родным: по сходству или, наоборот, контраст* (ИВ; Студенческая научная работа, 15.05.2017); *Ларисы* (Р) *Валерьевне* (ДП; Устная речь. Филолог; сентябрь 2016); *Кроме того, ГУР не чувствителен к (+Д) удары* (ИВ) *и вибрациям от плохой дороги* (<http://www.avtovzglyad.ru/sovety> (дата обращения: 26.09.2017); *Наехал на припаркованную (В) машину* (ДП; НТВ. 17.07.07). В каждом конкретном случае немотивированное употребление падежной формы можно объяснить спонтанностью устной речи или ослабленным контролем грамматики текстов интернета, но совокупность фактов показывает, что носители языка не удерживают в сознании строгие синтаксические структуры с однозначным падежным оформлением существительного.

В условиях ослабления предсказуемости управления начинают действовать более примитивные механизмы:

1) **простое фонетическое уподобление**, как правило, ближайшему предшествующему существительному при отсутствии синтаксической связи с ним, например: *По всей видимости, актуальность исследования может быть связана с (+ Т) не потерявшей своей важности антропоориентированности разноаспектных исследований языка, в том числе исследований по словообразованию* (Рецензия на ВКР. 01.06.2017);

2) **замена именного управления согласованием**, например: *На скользкой поверхности (РДП) обочине* (ДП; НТВ. 23.02.12); иногда согласование такого рода может устанавливаться с компонентом, который располагается справа, например: *...многие заметили, что помимо нормативного варианте в Донбассе и из Донбасса в литературной речи начал распространяться вариант на Донбассе и с Донбасса...* (Черновик диссертации. 01.06.2017);

Возможно сочетание первого и второго механизмов, т.е. фонетического уподобления с заменой именного управления согласованием, например: *Бывший «хозяин Донбасса» может утопить экономику Украину* (<https://news.rambler.ru/incidents/> (дата обращения: 03.03.2017)); *В доказа-*

тельство своих обвинений девушка передала полицейским и журналистам записи телефонных разговоров с секретарем Петровым и председателем совета, доктором философских наук, заведующим кафедрой философией СФУ Вячеславом Кудашовым (<https://prmira.ru/news/7674/> (дата обращения: 11.10.2016)); А если вы взялись за доставку еду, то нужно будет еще и быстро ездить, ведь за опоздания могут быть предусмотрены штрафы (<https://autorambler.ru/advice/> (дата обращения: 19.07.2016));

3) **линейный принцип согласования** вместо структурного [9]. Суть линейного согласования заключается в том, что в падеже уподобляется не подчиненный, находящийся ниже в дереве зависимостей, компонент связи, а более далекий от начала, появляющийся в речи позже, а в тексте правее. Это означает, что при постановке первого по порядку компонента связи (в адъективном сочетании это прилагательное, а в нумеративном – числительное) в форму потенциально омонимичного падежа, не совпадающего по составу омонимов с падежом второго компонента (обычно существительного), второй компонент принимает форму падежа случайно, так, чтобы она соответствовала одной из омонимичных форм первого компонента. Так, при описанном М.Я. Гловинской смешении R_{PI} и PI_{PI} существительного оно согласуется с прилагательным по линейному принципу, т.е. управляющее слово требует нужной падежной формы РП от прилагательного, а уже с ним согласуется существительное, принимая случайным образом родительный или предложный падеж, например: *У родителей, имеющих дома в Лондоне, на Барбадосе, Кейптауне и Атланте, есть четверо детей в возрасте от 2 до 15 лет. Они хотят нанять няню, которая может потребоваться для международных (РП) поездках (П) до трех раз в неделю* (<https://ger.ru/articles> (дата обращения: 24.08.2017)).

Наиболее часто встречаются случаи линейного согласования

а) с прилагательным в RP_{PI} , например: *В британских средствах массовой информации (НТВ. 1.11.07); Вы забыли о назначении религиозных организациях и о выгоде* (https://vk.com/milhistory?w=wall-7463178_437780 (дата обращения: 05.11.2016));

б) прилагательным в женском роде в $RDTP_{sing}$, например: (Сполох –) *это предупреждение о надвигающейся угрозы (Р; Детская работа. 10.03.2011; Красноярск); Внутри одной референтной группе (РП; Филолог, доклад; декабрь 2016 г.); По предварительным данным, бомба состояла из 50-литровой бочки с несколькими упаковками аммиачной селитрой (Т) внутри* (<http://www.newsru.com/russia/27jul2013/leningradka.html> (дата обращения: 11.09.2017));

в) существительным в составе аппозитивного сочетания, например: *В тайниках колумбийской (РДТП) столицы [ъ] (архифонема <ы/э> Р/ДП) Боготе (ДП) (Euronews. 22.06.07; родительный – дательный-местный); ...Об уважаемой (РДТП) мной певице [ъ] (архифонема <ы/э> Р/ДП) Надежды (Р) Бабиной (РДТП) (Рен-ТВ. 1.09.07). В данных фразах смешение обусловлено, помимо омонимии падежа прилагательного и онамафамии (склоняющегося по адъективной модели), также омофонией, ко-*

торая вызвана нейтрализацией гласных флексии разных падежей в позиции после *ц*;

г) однородным дополнением, например: *Исходя из этих характеристик и из представления о «среднем уровне» восприятия той или иной среды носителями языка выделяется «общий язык» (ИВ)... «письменную речь» (В)... и «устную речь» (В; Черновик диссертации. 13.05.2017); В процессе работы исследовались механизмы преемственности в развитии литературы от Средневековья к Новому времени, видоизменения малых художественных форм в (+П) поэзии (РДП) и прозы (Р) ХХ в. (Научный отчет; 2014 г.);*

д) числительными, например: *Производится розыск по пяти (РДП) одновременно совершённых побегах (П) (<https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 06.11.2016)); Потом были: Эльмира в спектакле «Тартюф, или Обманщик» Мольера... Габи в «Восьми (РДП) любящих (РП) женщин (Р)» Тома (<http://www.peoples.ru/art/theatre/actor/sharukina/> (дата обращения: 08.09.2017));*

е) существительным с количественной семантикой, по аналогии с числительными, например: *«А также, РФ может сказать, что миллионам украинцам не надо возвращаться в Украину...», – сказал он (<http://www.unn.com.ua/ru/news/1608861-v-mzs-poyasnili-nedotsilnist-vpro-vadzhennya-vizovogo-rezhimu-z-rosiyeyu> (дата обращения: 11.10.2016)); Она (система. – И.К.), конечно, вещь! И поможет в большинстве (ДП) случаях (П), но электроника несовершенна... (<http://golbis.com/pin> (дата обращения: 08.09.2015)).*

4) **переход управления падежной формой существительного от предиката к предлогу**, например: *Разведку акватории сейчас будут вести (+ с + Р) с (+ РВТ) воздухом (Т; Вести Россия. 18.11.07). Предикатное глагольное сочетание *вести разведку* требует форму родительного падежа существительного с предлогом *с*. Это максимальная предсказуемая сила предиката. Однако степень предсказуемости связи глагольного сочетания с предложно-падежным сочетанием в данном высказывании ограничивается выбором предлога *с*. Ослабление контроля формы падежа со стороны управляющего глагола приводит к тому, что управляющим компонентом связи с формой существительного становится предлог. Поскольку предлог обладает более широким спектром валентностей, чем предикат (родительный падеж места, времени и др., винительный падеж эталона сравнения, творительный коагентивный, инструментальный и др.), то выбор падежа существительного осуществляется случайным образом, как при линейном согласовании – вместо родительного падежа существительное оформлено творительным падежом.*

Итак, теория синтаксической связи, разработанная В.А. Белошапковой, оперирует важной характеристикой предсказуемости / непредсказуемости, которая позволяет разграничить наличие требования главного компонента к грамматическому оформлению зависимого компонента и отсутствие та-

кового. Активные процессы в падежной системе русского существительного привели к тому, что предсказуемость падежного управления снижается, зона действия управляющего слова сужается до ближайшего компонента зависимого субстантивного выражения, что обуславливает влияние на падеж управляемого существительного других факторов синтаксической структуры предложения, из которых наиболее сильным является линейный принцип согласования.

Литература

1. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М. : Просвещение, 1967. 160 с.
2. Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1977. 248 с.
3. Современный русский язык : учеб. / В.А. Белошапкина, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. ; под ред. В.А. Белошапкиной. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1989. 800 с.
4. Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 96–107.
5. Белошапкина В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1981. № 2. С. 43–51.
6. Холодович А.А. Проблемы грамматической категории. Л. : Наука, 1979. 304 с.
7. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 175–203.
8. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке: пособие для учителя. М. : Просвещение, 1971. 239 с.
9. Ким И.Е. Линейный принцип согласования в пределах предикативной единицы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 9: Филология. С. 144–148.
10. Ким И.Е. Информационная зависимость и синтаксическая связь в сложном предложении // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти В.А. Белошапкиной. М., 2001. С. 244–255.
11. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М., 2000. С. 237–304.
12. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
13. Макаров В.В. От латыни к романским языкам. Appendix probi : учеб.-метод. пособие. Минск : МГЛУ, 2000. 51 с.
14. Корлэтяну Н.Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М. : Наука, 1974. 304 с.

THE TENDENCY TO THE DESTRUCTION OF THE RUSSIAN CASE SYSTEM AND PREDICTABILITY OF SYNTACTIC RELATIONS IN BELOSHAPKOVA'S THEORY OF SYNTAX

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 51. 9–24. DOI: 10.17223/19986645/51/2

Igor E. Kim, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kimkim27601@yandex.ru

Keywords: syntactic relation, government, linear principle of agreement, grammatical homonymy, errors in use of case, tendency of destruction of Russian case system.

The article deals with the connection of V.A. Beloshapkova's theory of syntactic relations with the modern processes in the grammar of the Russian case. The theory of syntactic relations developed by V.A. Beloshapkova operates an important property of predictability / non-predictability, which allows distinguishing between the main component requirement for the dependent component to be used in one or the other morphological form and the lack thereof. M.Ya. Glovinskaya described the morphological process of the weakening of the case function in the late twentieth century. The process is related to predictability. Through this process, the noun may have an arbitrary case inflection which is not determined strictly by the requirements of the main word that governs a noun. Therefore, other factors of the sentence structure influenced the case of the dependent noun. These factors have a linear nature at most, that is, they act from left to right.

First, the inflection of the dependent noun coincides completely or partly with the inflection of the nearest left noun, for example: *Po vsej vidimosti, aktual'nost' issledovaniya mozhet byt' svyazana s (+ the Instrumental Case) ne poteryavshey svoey vazhnosti antropoorientirovannosti* (the Genetive Case) *raznoaspektykh issledovaniy* (Genetive Case) *yazyka* [Apparently, the relevance of the study may be related *of (to) the anthroporientation of the multidimensional studies of the language, which has not lost its importance].

Secondly, the dependent word is not governed by the main noun, but agrees with it, for example: *Na skol'zkoj poverkhnosti* (Genetive or Locative) **obochine* (Dative or Locative) [On the slippery surface (of) the roadside].

Thirdly, agreement in the adjective-substantive phrase does not follow the structural principle, but the linear one. This means that the main word in the phrase is the first word in order, and the second word in order is agreed with it. In Russian, the first word in an adjective-substantive phrase is an adjective, so the verb determines the case of the adjective, and the latter, in turn, determines the case of the noun. When the adjective case inflection can denote several cases, the noun receives one of them by accident. Therefore, the case of a noun may not correspond to the requirements of the verb, for example: *Po predvaritel'nyim dannym, bomba sostoyala iz 50-litrovoy bochki s neskol'kimi upakovkami (+ Genetive) ammiachnoy* (Genetive or Dative or Instrumental) *selitroy* (Instrumental) *vnutri* [According to the preliminary data, the bomb consisted of a 50-liter barrel with several packs \emptyset (of) ammonium nitrate inside].

Fourthly, the verb "transfers government" to a preposition, which can also be combined with several cases. As a result, the noun also gets one of the cases accidentally, for example: *Razvedku akvatorii seychas budut vesti s (+ Genetive or Accusative or Instrumental) *vozdukhom* (Instrumental) [Exploration of the water area will now be conducted *with air (from the air)].

References

1. Beloshapkova, V.A. (1967) *Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [The complex sentence in modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Beloshapkova, V.A. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis* [Modern Russian: Syntax]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Beloshapkova, V.A. (ed.) (1989) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Paducheva, E.V. (1973) Anaforicheskie svyazi i glubinnaya struktura teksta [Anaphoric relations and the deep text structure]. In: Zaliznyak, A.A. (ed.) *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya* [Problems of grammatical modeling]. Moscow: Nauka.
5. Beloshapkova, V.A. & Shmeleva, T.V. (1981) Derivatsionnaya paradigma predlozheniya [Derivational paradigm of the sentence]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2. pp. 43–51.
6. Kholodovich, A.A. (1979) *Problemy grammaticheskoy kategorii* [Problems of the grammatical category]. Leningrad: Nauka.

7. Kurilovich, E. (1962) Problema klassifikatsii padezhey [The problem of classification of cases]. In: Kurilovich, E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

8. Skoblikova, E.S. (1971) *Soglasovanie i upravlenie v russkom yazyke: posobie dlya uchitelya* [Agreement and government in the Russian language: a manual for the teacher]. Moscow: Prosveshchenie.

9. Kim, I.E. (2012) Precede-and-command principle in the Russian adjective-noun phrase. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series “History, Philology”*. 11:9. pp. 144–148. (In Russian).

10. Kim, I.E. (2001) Informatsionnaya zavisimost' i sintaksicheskaya svyaz' v slozhnom predlozhenii [Information dependence and syntactic relation in a complex sentence]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) *Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy* [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

11. Glovinskaya, M.Ya. (2000) Aktivnye protsessy v grammatike (na materiale innovatsiy i massovykh yazykovykh oshibok) [Active processes in grammar (on the material of innovations and mass language errors)]. In: Zemskaya, E.A. (ed.) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

12. Shcherba, L.V. (1974) O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the three-dimensional aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics]. In: Zinder, L.R. & Matusevich, M.I. (eds) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.

13. Makarov, V.V. (2000) *Ot latyni k romanskim yazykam. Appendix probi* [From Latin to Romance languages. Appendix probi]. Minsk: MSLU.

14. Korletyanu, N.G. (1974) *Issledovanie narodnoy latyni i ee otnosheniy s romanskimi yazykami* [The study of folk Latin and its relations with the Romance languages]. Moscow: Nauka.